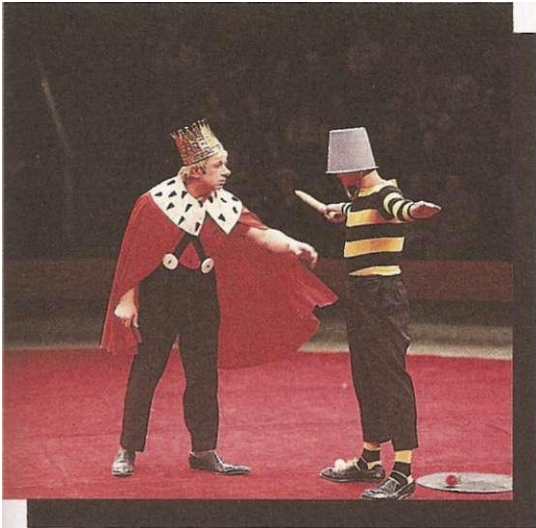

ГЕННАДИЙ МАКОВСКИЙ И ГЕННАДИЙ РОТМАН

Для знатоков и любителей цирка 60–70-х годов эти два имени были неразделимы. Маковский и Ротман. Два Геннадия. Один — чуть повыше. Другой — чуть пониже. Один — коренастый. Другой — худенький. Один — подвижный, порывистый, остро на все реагирующий. На нем майка-тельняшка, четкие полосы которой как бы перекликаются с быстро меняющимся настроением ее обладателя. Другой нетороплив, уравновешен, кажется, его ничем не удивишь. Каждый кружок на рубашке в крупный горох — как уверенно поставленная жирная точка. Один — в неприметном беретике, другой — в дешевой кепочке. Оба — лукавые, оба — хитрецы, оба — с юмором.

«В программе — Маковский и Ротман...», «Реприза Маковского и Ротмана...», «Успех Маковского и Ротмана...»

Говорят, счастливые браки заключаются на небесах. Где и как заключаются счастливые клоунские дуэты? Они нашли друг друга совсем юными, в стенах Государственного училища циркового и эстрадного искусства. Хотя вначале никто в училище да и сами будущие клоуны о создании дуэта не помышляли.

Оба учились на отделении клоунады,

речевых жанров и музыкальной эксцентрики. Маковский усиленно занимался музыкой, выразительно исполнял куплеты, учился играть на музыкальных инструментах, Ротман сразу увлекся искусством пантомимы. Будущие партнеры встречались на общих уроках, занятия по специализации проходили у них отдельно. Педагог отделения Борис Александрович Бреев советовал каждому проверить, в чем он сможет полнее себя проявить: «Учитесь выражать себя».

На выпускных экзаменах они были аттестованы как клоуны-буфф. В отличие от коверных, клоуны-буфф выходят на манеж один-два раза за представление.

В свой первый город Оренбург молодые комики поехали вместе. Вначале артисты выходили на манеж с одной-единственной сценкой.

— Тунеядцы!!! — выкрикивал инспектор манежа. Раздвигался пестрый форганг, и клоуны шагали на манеж.

Но все чаще и чаще задумывались: и так день за днем? Всю жизнь им предстоит выходить к зрителям. Но с чем выходить? Что исполнять? То же самое, что и сегодня?

В Ленинграде Маковский и Ротман начали энергично создавать новые репризы. Им хотелось, чтобы в сценках непременно были неожиданные повороты событий, остроумные противопоставления, некий парадокс. При подготовке реприз молодые клоуны исходили из того, что их ждет встреча с умными зрителями. Они заявляли: «Мы — сторонники интеллектуального юмора».

Репризы Маковского и Ротмана забавные, смешные, ироничные, буффонадные, всегда имели как бы несколько планов, вызвали различные ассоциации. Так, в пародийной репризе «Двое с першами» артисты попытались показать явление с необычной, неожиданной стороны.

Клоуны выносят на манеж шест-трубу и начинают с подчеркнутой важностью

готовиться к чему-то значительному. Что же произойдет? Перш принимает вертикальное положение, и... из него начинает струиться вода, а клоуны принимаются с удовольствием мыться под душем. Вот тебе номер — вместо демонстрации ловкости, храбрости и силы — весьма будничное занятие. Стоило ли так долго и торжественно готовиться к нему? Конечно, это было смешно.

Ведь многие в зале невольно припоминали, что и в реальной жизни заурядное дело зачастую обставляется пышно, помпезно, шумно.

В этот период судьба свела артистов с одним из лучших режиссеров цирка Арнольдом Григорьевичем Арнольдом. Он создавал тогда молодежный коллектив и искал для него интересных клоунов.

С волнением вышли Маковский и Ротман на манеж перед единственным зрителем. Конечно, в зале были и другие зрители, пришедшие на просмотр, но они видели только его. И Арнольд увидел их: двух молодых, симпатичных, веселых парней. Так они попали в Молодежный коллектив Арнольда.

Все участники коллектива не подчеркивали рискованности или сложности своих трюков, а держались просто, с достоинством. И коверных в таком спектакле должны были отличать интеллигентность, истинное остроумие.

Итак, они стали коверными. Теперь артисты исполняли уже не одну-две сценки, как раньше, а восемь-десять. И в каждой нужно было проявить себя в несколько ином, новом качестве.

А вскоре их стали объявлять: «Весь вечер на манеже два Геннадия». Надо заметить, что Геннадием звали только Маковского, настоящее имя Ротмана — Генрих. Но с 1964 года в афишах оно больше не присутствовало. Да и для цирковых они были Генами. Оба.

Персонаж Маковского смеялся несколько утрированно — и этот смех был своеобразным обращением к зрителям: смотрите, как мой партнер неловок, недогадлив. Или Маковский пожимал плечами, явно демонстрируя свое недоумение. Персонаж Ротмана устремлял долгий взгляд в зрительный зал — этот взгляд был молчаливым призывом: «Вдумайтесь, разве то, что

происходит на манеже, естественно, справедливо?».

Молодым комикам приходилось стелкиваться с утверждением, что клоунада — это непременно яркие краски в costume, гриме, в поведении на манеже. Но они были убеждены: палитра выразительных средств клоунов куда богаче. Репризы могут быть не только предельно гротесковыми, преувеличенными, остросатирическими, но и лирическими, даже меланхолическими. Чуткий зритель их поймет.

И зрители по-настоящему любили к понимали эту клоунскую пару. Когда клоуны разыгрывали свои репризы, в зале смеялись, аплодировали.

Вот пародийная сценка «Мелодрама» Ротман изображал балерину, вдохновение отдающуюся танцу. Маковский-танцор был невозмутимо деловит и явно скептически воспринимал экзальтацию своей партнерши. Вначале шли вполне традиционные движения классического па-де-де: поддержки I прочее. Вдруг с головы балерины слета., парик, Маковский торопился поднять с пола дорогую вещь, забыв, что партнерша устремилась к нему в полете-прыжке. Она падала, и тут возникало неприглядное выяснение отношений. Куда девалось возвышенное вдохновение?! В этой сценке несколько планов. Тут и пародия на какие-то явления в искусстве, и горькая насмешка над тем, что порой в нашей жизни суетное и мелочное разрушает возвышенный порыв красоты чувств.

В «Мелодраме», как и в других сценках клоунской пары, раскрываются два характера. Один участник танцевального дуэта увлечен, непосредствен, возвышен, другой — деловит, приземлен, полон скепсиса. Маковский и Ротман создали два многогранных характера, которые раскрывались в различных ситуациях, в столкновениях друг с другом. Персонаж Маковского был самоуверен, энергичен, прямолинеен, он не знал сомнений при достижении цели. Герой Ротмана отличался эмоциональностью легко увлекался, был доверчив, нерешителен из-за неуверенности в своих силах, в своих правах. В их сценках часто противопоставлялись жесткая расчетливость и душевность, приземленность и одухотворенность.

На манеже Маковский все делал уве-

Гэнадий Ротман, Гэнадий Маковский и Маковский-младший

ренно, с солидной обстоятельностью. Ротман — суетясь, часто нескладно. Маковскому везло, Ротман попадал впросак. Маковский сохранял невозмутимое спокойствие, скептическое отношение к происходящему. Ротман увлекался, его переполняли чувства, от которых он, что называется, терял голову.

Если они разыгрывали пародию на цирковой номер, то Маковский был премьером, дающим урок новичку Ротману. Если обыгрывалась спортивная тема, то чемпионом обязательно был Маковский, а Ротман робким начинающим. Если в репризе действовали начальник и подчиненный, то Маковский выступал как руководитель, а Ротман как усердный исполнитель.

Причем в каждой репризе характеры проявлялись все новыми гранями. Персонаж Маковского оказывался то хамоват и бесцеремонен, то практичен и энергичен, а порою до предела чванлив. У персонажа

Ротмана в одних случаях проявлялась инфантильность, в других — лиричность, эмоциональность.

Во всех репризах с участием этих двух персонажей утверждалось, что интеллигентность, эмоциональность, интеллект, отсутствие самовлюбленности, хотя и усложняют жизнь, не позволяют верховодить, но качества эти, несомненно, привлекательны, за их обладателем всегда нравственная победа.

Противопоставление характеров, созданных клоунами, особенно ярко проявилось в репризе «Свистки». Возникла она из импровизации. Надо было заполнить паузу, когда униформисты на манеже убрали и ставили реквизит. Лавируя между ними, клоуны якобы участвовали в работе. Причем сразу определились их роли. Маковский — начальник, чванливый чиновник, который упоенно отдает команды, не интересуясь результатами. Его вполне ус-

траивает видимость кипучей деятельности. Ротман изображал исполнителя, проявляющего предельное усердие. Торопясь выполнить бестолковые указания, он метался, суетился и тоже упускал существо дела.

Сценка исполнялась без единого слова. Свист выражал приказ, нетерпение, гнев, требование «отдай!» и ответ «нет, не отдам!».

В репертуаре Ротмана и Маковского было немало реприз без слов. Искусство мимов их привлекало еще в годы учебы. Они считали, что пантомима заставляет человека думать, что зрители, постигая язык жестов, глубже и активнее воспринимают изображаемое на подмостках или манеже.

Репризы, вошедшие в серию «Мир кино», высмеивали киноленты, в которых много выстрелов, шума, но мало мысли. И еще в них утверждалось: если у человека злые помыслы, низменные цели, то все усилия и жертвы будут напрасны. Это и пародия на вестерн «Роковое свидание», и пародия на гангстерский фильм «Ограбление банка», и «Мотометла».

Подобные сценки сложны для исполнения. Требуется синхронность каждого движения и возникающего звука, записанного на магнитофонную ленту. Нельзя замешкаться — лента непрерывно движется. Замешкался — и может прогреметь выстрел из пистолета, который еще в кобуре.

Репертуар клоунов постоянно расширялся. Кроме цикла «Мир кино», спортивного цикла они придумали несколько сценок, связанных с музыкой: «Непослушный микрофон», «Музыкальная шутка». О любви, дружбе, предательстве и коварстве говорила реприза «Разбитое сердце». Одной из последних работ стала сценка, которую критики называли памфлетом. Действительно, в этом произведении Ротмана и Маковского ярко проявилась характерная для них широта обобщений.

Клоунам было предложено подготовить репризу о борьбе за **Мир**. С самого начала артисты отказались от иллюстративной, прямолинейной трактовки темы. Они назвали сценку «Сказка о воинственном короле». Слово «сказка» подчеркивает обобщенность образов, близость к мудрой притче. И как положено в сказке, добро должно было победить зло.

...На манеже садовник выращивает,

лелеет цветы, творит красоту. Звучит боевой марш, появляется воинственный король в мантии и короне. Он везет за собой черную ракету. Под его ногами, под колесами ракеты гибнут цветы. Король уходит, садовник опять сажает цветы. Они поднимаются. Но снова слышен воинственный марш, снова король топчет цветы. Цветы должны жить, и садовник терпеливо склоняется над ними. Но опять король идет воевать, угрожая уничтожить все прекрасное. На этот раз садовник поднимается на защиту своего труда, красоты земли и смело встает на пути короля.

Король не желает смирить воинственный пыл, в гневе наводит на садовника ракету. Грохот. Гаснет свет. Когда он снова вспыхивает, зрители видят — король повержен, взрыв сразил того, кто нес разрушения и беды. Садовник берет корпус ракеты, и в его руках из черного цилиндра поднимается, распускается чудесный цветок.

Сценка эта, как и многие другие у Ротмана и Маковского, вызывала различные ассоциации. Кто-то в этом финале видел символ того, что атом будет служить только благу людей, другие — что мирный труд всегда связан с возникновением прекрасного в жизни и душах, а третьи — что добро и красота сильнее злобы и разрушения.

В своем клоунском дуэте Маковский и Ротман были равны. А такое бывает не всегда. Есть пары (или группы комиков), в которых один — ведущий, а другой подыгрывает премьеру. Маковского и Ротмана невозможно было представить одного без другого.

Главное достоинство прославленного дуэта, просуществовавшего семнадцать лет. — то, что его составляли два самобытных артиста, незаурядные личности, много знающие, размышляющие, тонко чувствующие. В своих сценках они высмеивали черствость, формализм, показуху, корысть, глупость, самовлюбленность и утверждали духовность, чистоту человеческих отношений, доброту, чуткость, сострадание, душевную щедрость. Артисты не искали легких путей, выходя на манеж, не преследовали единственную цель — во что бы то ни стало вызвать хохот. Чтобы оценить их, требовались интеллектуальные и эмоциональные усилия.

Но кто станет утверждать, что лучшее в искусстве — то, что воспринимается предельно легко?

Их репризы можно было смотреть неоднократно и каждый раз открывать для себя что-то новое, как бывает, когда перечитываешь книгу мудрого автора.

В 1979 году в самом зените славы артисты выехали в очередное зарубежное турне по Югославии. Им осталось доиграть только один спектакль. И тут произошло непоправимое: у Геннадия Маковского остановилось сердце. Он умер, как настоящий артист, буквально на манеже. Не стало блестящего комика, одного из лучших рыжих клоунов цирка.

После этого случая Ротман долгое время не выступал на манеже. Еще в начале семидесятых он закончил режиссерский факультет Государственного института театрального искусства и решил себя попробовать в этой профессии. Вскоре на манеже цирка появился аттракцион Бориса и Людмилы Федотовых «Здравствуй, мир!». Это был режиссерский дебют Ротмана.

Возможно, зрители никогда бы не увидели больше на манеже этого замечательного клоуна, если бы не один телефонный звонок. Геннадий снял трубку и услышал голос своего старшего товарища и наставника Юрия Никулина. Они говорили о жизни, о работе, о будущем. После этого произошло, по словам Геннадия, его второе рождение. Он возвращается к работе козерного и после серьезных размышлений возглавляет клоунскую тройку.

Люди, внимательно следившие за творчеством артиста, немало удивились: почему он просто не взял себе нового партнера, ведь работа в дуэте — его стихия? Не смог он этого сделать. Как бы ни был хорош партнер, никогда он не сыграл бы с ним, как с Маком (так он ласково называл Маковского). Копия, как известно, всегда хуже оригинала.

В то лето рижский цирк «Янтарь» стал местом паломничества местных любителей цирка. Они следили за рождением новой клоунской группы, получившей забавное название «Ха-ха-трон». За одно лето Ротман готовит репертуар, переделывает многие старые репризы, придумывает новые. «Ха-ха-трон» существовал несколько лет, а потом группа распалась: молодые клоуны решили начать самостоятельную жизнь в искусстве.

Ротмана приглашают в свою группу опытные, талантливые клоуны Толдонов и Минаев. С ними он выступает несколько лет и... все-таки остается один. Геннадий Ротман становится соло-клоуном. Играет в цирковых спектаклях, помогает молодым клоунам, гастролирует за рубежом. На год с лишним его приглашают на работу в Соединенные Штаты Америки. Он не только выходит на манеж коверным, но является наставником, опытной нянькой, этаким «дядькой» при маленькой труппе русских артистов, которых судьба занесла на далекий континент. И в этой роли он оказался большим мастером. Как и во всем, что делает в жизни и на манеже.

Картина Ю. Шашкова.
«Клоун в белом жабо»